

Лев ЛОСЕВ

Говорящий попугай

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • ММІХ

Несомненно Гора

Поманит его нахвалит в предиздании, аман,
исповеднику светит казвело:

Ву и зр, зр в Горах предиздании, аман,
осадише лишь Гора и казвело.

Вотраг коздр, на вторичной Горах
рели вторич с его предиздании предиздании,
возвратились нам зтош и зтош
заливщи с верховья казвело.

Для всякого полюбил жердичуко гур,
будет правка сияка предиздании,
но поган в казуре соблазна дракар,
и бузика, и позвешива исного.

14. 01. 02

Лев ЛОСЕВ

Творящий поугай

СЕДЬМАЯ КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ

**ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • ММІХ**

Л 79
ББК 84. Р7

Эту книгу Лев Лосев составил для «Пушкинского фонда»
незадолго до смерти. Мы печатаем её без изменений.

Марка издательства работы
С. Семенова

ISBN 978-5-89803-198-5

© Л. Лосев (наследники), 2009

ГОВОРЯЩИЙ ПОПУГАЙ

Попугай говорящий, но говорящий редко,
только по-русски и только одно...

СКАЗКА № 1

Гуляя по Кудыкиной горе,
вырезывая в липовой коре:
«Здесь был Л. Л.», «Здесь был Л. Л.», «Здесь был Л...»
Здесь был, да сплыл. Здесь был, да был таков.
Хоть пробовал отмычкой сто замков,
хоть воду мёртвую на землю вылил.

В земле осталось мёртвое пятно.
Теперь с сырой земли глядит оно,
как глаз Л. Л., прищурившись и мимо.
С Кудыкиной горы глядит туда,
где в мудром лбу красавицы звезда
горит, где эта сказка повторима.

СКАЗКА № 2

Царь поднимался рано и, пока ты
спала, шёл за порог взглянуть с утра
на небогатые свои палаты
и кол с мочалом посреди двора.

Но властный голос произнёс: «Так надо»,
и опустил на землю мрак и мглу,
и раскрутил и запустил торнадо,
молниесмертоносную юлу.

Трещала твердь, с кола рвалось мочало,
мычало радио, и облака ползли
на брюхе по земле, как до начала,
до разделенья неба и земли.

ФУКО

Я как-то был на лекции Фуко.
От сцены я сидел недалеко.
Глядел на нагловатого уродца.
Не мог понять: откуда что берётся?

Что по ту сторону добра и зла
так засосало долихоцефала?
Любовник бросил? Баба не дала?
Мамаша в детстве недоцеловала?

Фуко был лыс, как бильярдный шар,
не только лоб, но как-то лыс всем телом.
Он, потроша историю, решал
её загадки только оголтелым

насилием и жаждой власти. Я
вдруг скаламбурил: Фу, какая пакость!
Фуко смеяться не умел и плакать,
и в жизни он не смыслил ни хрена.

Как низко всё, что метит высоко,
нудил, нудил продолговатый череп.
Потом гнилая хворь пролезла через
анальное отверстие Фуко.

Погиб Foucault, учёный идиот
(idiot savant), его похерил вирус.
История же не остановилась
и новые загадки задаёт.

1911

Столыпина жаль, говоря исторически
и просто так, житейским манером,
но жаль и Богрова с его истерически
тявкающим револьвером.

Жалко жандарма. Жалко по Лысой
горе гуляющую ворону.
Жалко доставленного из полиции
с переизбытком тестостерону

душегуба, с утра хватившего водки —
но не берёт, да ну её к псу!
И он снимает с бледного Мордки
стекляшки, торчавшие на носу.

Палач проявляет жалость к еврею —
нехай жиду кажется, что всё во сне.
Да и неловко вешать за шею
человека в пенсне.

КАЗАНЬ, ИЮЛЬ 1957

Толстые мухи. Столовая.
«Выдача блюд до шести».
Мелкое, жёлто-лиловое
тщится на клумбе расти.

Парализованный, в кителе,
тычется в бок инвалид.
«Вытери»? — Нет, вроде, «выдели».
«Выдели хлеба», — велит.

Хлеб отдаю, недоеденный,
жёлтое пиво, азу.
Смотрит он белой отметиной
в левом незрячем глазу.

Видимо, слабо кумекая,
тянется вилкой к борщу.
Вот уже чуть не полвека я
всё за собою тащу

тусклую память, готовую
мне подставлять без конца
мёртвую, жёлто-лиловую
левую щёку лица.

ШКОЛА №1

Брюхатый поп широким махом
за труповозкою кадит.
Лепечет скрученный бандит:
«Я не стрелял, клянусь Аллахом».
Вливается в пробой свет,
задерживается на детях, женщинах,
их тряпках, их мозгах, кишечниках.
Он ищет Бога. Бога нет.

СОН С ПРИМЕЧАНИЯМИ

«Я вспоминаю до сих пор,
стакан к себе придвинув,
спустившихся с Карпатских гор
угрюмых жидовинов.

Когда же разгляжу в упор
и выпью что в стакане,
мне ясно видится узор
на их кафтанной ткани.

От выпитого опалев,
им мозг себе ужалив,
я вижу, как играет Лев
с прекрасной буквой Алеф...»

Мне эта, прямо говоря, чушь, три куплета эти на 23-е января приснились на рассвете. Здесь ничего такого нет, мне часто снится в рифму. Стихоплетенье с детских лет впиталось в кровь и лимфу. Так снятся сны не только мне. Глазков покойный, Коля, четверостишие во сне увидел раз такое:

«Была у деда борода
Седа, как зимний лес,
И величава, как вода
На Куйбышевской ГЭС».

Вот это прелесть, правда, да? А у меня белиберда. Жиды, Карпаты, Алеф (Бык?), Лев (Царь?), кафтан узорный. Ведь это всё не мой язык, весь стих чужой и чёрный. Откуда вдруг взялась в мозгу чужих видений стая? Хочу понять и не могу, и мучаюсь. Хотя я не толкователь вещей снов и рёршаховых пятен, меня волнует шорох слов, чей смысл мне непонятен.

«ПОДУМАЕШЬ ТОЖЕ, РАБОТА!»

Поэтом быть приятно и легко,
пусть лёгкие черны от никотина.
Пока все трудятся, поэт, скотина,
небесное лакает молоко.

Все «муки слова» — ложь для простаков,
чтоб избежать в милицию привода.
Бездельная, беспечная свобода —
ловленьё слов, писание стихов.

Поэт чирикать в книжках записных
готов, как свиноматка к опоросу.
А умирают рано те из них,
кто знает труд и втайне пишет прозу.

ЭКСКУРСИЯ

Вот наш водитель объявил: «Содом».
Сойдём. Осмотримся. Зайдём
в кинотеатр. Милуются мужчины
и пахнет семенем. И нет свободных мест.
А на экране свалка и инцест,
седалищем, влагалищем и ртом
тот ест собачину, та просит мертвечины.

Вот едем дальше. Остановка «Ад».
Нарсуд. Военкомат. Химкомбинат.
Над дохлой речкой выпускают трубы
смердящий сероводородом дым.
Здесь небо не бывает голубым.
Оранжев дым, закат коричневат.
В трамвае друг о дружку трутся трупы.

Voila un garçon, ein Knabe, a boy.
Из школы с окровавленной губой,
без букваря, без ранца, без пенала,
без шапки, без надежды, без души.
Вот медленно плывут карандаши —
зелёный, жёлтый, красный, голубой —
водой Ад обводящего канала.

НАД ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИЕЙ

Но музы поступили плохо,
среди олив и цикламен
украва коров у Архилоха
и лиру дав ему взамен.

Вот он с тех пор и заработал,
струн перебор с набором слов,
взамен позвякиванья ботал,
мычанья, запаха цветов.

ИОСИФ В 1965 ГОДУ

Вся эта сволочь с партактивами
цветок за цвет и за мерцание
звезду могла бы сжить со света.

Стихов «с гражданскими мотивами»
потребовали от поэта.

Но в результате замерзания
в его чернильнице чернил
стихов с гражданскими мотивами
поэт для них не сочинил.

Он слушал сердца замирания,
следил за кряквами крикливыми
и крыши драные чинил.

Река плела свои извивы.
Шёл снег. Стояли холода.
И, как гражданские мотивы,
чего-то ныли провода.

СЧИТАЛКА

В божьей торбе
по-бомжьи scarba:
майка с Горби,
плакат с Гретой Гарбо,
серп, звёзды, молот, месяц в ущербе,
послание полное скорби
urbi et orbi
с кукольной подписью: Барби.

Выбери куклу
с большими грудями
или драму Софокла
со снами крутыми,
или немое кино,
или перестройку и гласность,
или флага красность или многополосность,
всё, блин, одно.

Раз, два, семнадцать,
восемь, тринадцать.
Цифры сомнутся,
потом накрелятся
да как разорутся!
Да как разгорится
на горизонте полоска синей.
Под горку, стадо свиней!

Сыплет бисер
век-свиновод.
Прячься не прячься —
ты виноват.

ДЕПРЕССИЯ-РОССИЯ

Жéне

Вся Россия, от среднего пояса
с бездорожьём туды и сюды
и до Арктики, аж до полюса,
где подтаивать начали льды,

финский дождик, без усталости сеющий,
жаркий луч на таврическом льве
уместились в седой и лысеющей
черноглазой твоей голове.

Эту хворь тебе наулюлюкали
Блок да Хлебников, с них и ответ.
В ней московский, с истерикой, с глюками,
в январе эйфорический бред

и унынье в июне, депрессия,
в стенку взгляд в петербургской норе,
и чудесный момент равновесия
на тригорском холме в сентябре.

В ПУСТОМ ЗАЛЕ

«Не отставайте», — нам сказали,
но мы отстали и одни
вдруг оказались в этом зале
с огромным зеркалом в тени.

На гобелене от Перикла
остался выцветший овал,
и рыхлый бархат слишком рыхло
на низком троне истлевал.

Сверкнули тусклые аканты
и корешки потёртых книг,
когда случайный луч закатный
в окно под потолком проник.

В нём золотая пыль дрожала
и он то вспыхивал, то гас,
но зеркало не отражало
ни света этого, ни нас.

РАПОРТ

В этом году мне исполнится 70 лет.

Принимайте по списку:

пистолет,
партбилет,
портупею
и пару золотых эполет.

Оставаясь в отставке барабанщиком вашей козы,
прошу пенсион мой уменьшить в разы,
ибо не ради корысти,
а приказ небожителя выполнить чтоб,
сжимаются артритные кисти,
сгибается ревматический голеностоп.

В перепонки ушные стучит не гашеная известью кровь,
отбивает анапестом дробь.

Нас осталось очень немного
(два жиды в три ряда!),
остальные шагают неумело, не в ногу
и вообще не туда.

НОВЫЙ ЗАДЕКА

«Бойся снов на среду и на пятницу», —
так меня учил приятель мой,
и всегда я вспоминаю пьяницу,
если сон особенно дурной.

Толкователь снов М. М. Красильников,
как же мне не вспомнить о тебе,
убегая от убийц, насильников,
от агентов Г, простите, Б.

В аэропорт дороги заблочены,
потерялся паспорт и билет,
из подвала двери заколочены,
в проходном дворе прохода нет.

Или нынче — с бабами-торговками
в медленно ползущем никуда
поезде, со скрипом, с остановками.
Просыпаюсь. Вроде бы среда.

РОЗА ОТВЕЧАЕТ СОЛОВЬЮ

Ночь, не отстающая, как нищенка.
Соловей, цитирующий Зоценко,
щёлкающий из Толстого с Гамсуном:
«Миром правят голод и любовь».

Над дурманной желтизной купавника
в местном, скромном облике шиповника
роза отвечает громогласному,
мне её ответа не забыть.

Слово её, вежливое, нужное,
влажное (ведь дело ночью!), нежное,
с финского на русский переводится
как «о, да», «о, нет» и «может быть».

КВАРТИРА

Мне приснилась квартира окном на дворец и Неву,
на иглу золотую, что присниться могла б наркоману.
Мне сначала приснилось: я в этой квартире живу.
Но потом мне приснилось, что мне это не по карману.

Мне приснилось (со злобой), что здесь будет жить
вор-чиновник, придворная челядь, бандитская нелюдь
иль поповая тварь. Мне приснилось: пора уходить.
Но потом мне приснилось, что можно ведь сон переделать.

И тогда в этом сне я снова протопал к окну
и увидел внизу облака, купола золотые и шпили,
и тогда в этом сне мне приснилось, что здесь и усну,
потому что так высоко, а лифта ещё не пустили.

НИНА ГОВОРIT О ТИНТОРЕТТО

«Благовещение» помнишь?

Разбивая вдребезги стекло, как бомбардировщик,
в комнату сверху врывается с растопыренными крыльями
архангел, а за ним

эскадрилья херувимов с суровыми лицами.

Мария, маленькая, испуганная, сидит на кровати,
а под кроватью горшок и шлёпанцы.

А «Рождество»?

Спереди здоровенная русская печь. На печи
лежат двое мальчишек лет десяти
и глазеют. А в глубине коровы, Мария, Иосиф
и маленький Иисусик.

Рисовать-то все умели, а Тинторетто
ещё и мыслил.

ПАМЯТИ ВОЛОДИ

Ты умер, а мы ишачим,
но, впрочем, дело за малым.
Ты спал под живым кошачьим
мурлыкающим покрывалом.

Всё, что намурлыкано за ночь,
ты днём заносил на бумагу.
А низколобая сволочь
уже покидала общагу.

Ты легко раздаривал милость
растениям, детям, собакам.
А сволочь уже притаилась
в подъезде за мусорным баком.

Не слишком поэту живётся
в краю кистеней и заточек.
А кошкам не спится, неймётся,
всё ждут, когда же вернётся
живого тепла источник.

ДЕНЬГИ

Попугай стоит в закуске, по колено в сметане...

Михаил Родионов

Деньги, конечно, не всё, но и всё не деньги.

За всё мне пока что в лавке никто ничего не давал.

Мне очень нравятся деньги, зелёные их оттенки,

портрет отца-основателя, вписанный в строгий овал.

Денег должно быть много, как страничек в общей тетради, чтобы сказать со вздохом: «Не знаю, куда их деть».

Чем меньше бугрится спереди, тем больше бугрится сзади, в левом заднем кармане, неудобно сидеть.

Так рассуждал мой близкий, но не очень, приятель, друг закадычный, а, в сущности, лютей враг.

К нему обращались по имени Распишитесьздесьполучатель, он и сам признавался, подписываясь: Желаяовсяческихблаг.

А вот и блага: табуретка, кровать, с попугаем клетка.

Старческий зрак попугая мутным презреньем набряк.

Попугай говорящий, но говорящий редко,

только по-русски и только одно: «Дур-р-рак».

Кóзлиц как не приравняешь к овнам?
Что-то есть военное в церковном.
Ризы, пригвожденные к иконам,
отливают золотом погонным.

Словно в блиндаже фитиль огарка.
Меньше света от него, чем чада.
Роспись на стене дрожит, как карта,
где кольцо сжимают силы Ада.

Золотого купола редиска.
Звонницы издёрганные нервы.
Пономарь с косичкой, как радистка.
«Первый! Шлите подкрепление! Первый?»

Для чего ещё духовным лицам
лбами прикасаться к половицам,
если им не чудится оттуда
приближение рокота и гуда.

Подползают к храму иномарки,
неотвратные, как танки НАТО.

Бабки тушат пальцами огарки.

Кто их знает, может, так и надо?

НЕОКОНЧЕННЫЙ ГОГОЛЬ

Поманив его пальцем в предсмертный альков,
исповеднику скажет Матвею:
Ну и что, что в тюрьме предприимчивиков,
остальные лишь стали мертвее.

Догорает костёр, на который взошёл
том второй с его греческим принцем,
потому что милей нам запой и загор
чаепитий с вертлявым мизинцем.

Да копыта побив о жердистую гать,
будет тройка скакать лесостепью,
по ночам в конуре собакевич брехать
и вздыхать, и позвякивать цепью.

TORVAIANICA

Всё в мире оказалось повторимо.
Вторично мне родиться довелось
в невзрачном дачном пригороде Рима,
а имя новое определилось — Лось.

О, как свободно я бродил по Риму
без памяти, без денег, без стыда!
По-русски говорил, но только в рифму
и получалось здорово, когда

мне вдруг кивал из-за безносых статуй,
из-за колонн, бредущих чередой,
горбатый призрак, северный, сохатый,
с еврейским профилем и жидкой бородой.

В КЛИНИКЕ

Мне доктор что-то бормотал про почку
и прятал взгляд. Мне было жаль врача.
Я думал: жизнь прорвала оболочку
и потекла, легка и горяча.

Диплом на стенке. Врач. Его неловкость.
Косой рецепт строчащая рука.
А я дивился: о, какая лёгкость,
как оказалась эта весть легка!

Где демоны, что век за мной гонялись?
Я новым, лёгким воздухом дышу.
Сейчас пойду и кровь сдам на анализ,
и эти строчки кровью подпишу.

С ДЕТСТВА

Кошмаром арзамасским, нет, московским,
нет, питерским распластанный ничком
он думает, но только костным мозгом,
разжиженным от страха мозжечком.

Ребёнку жалко собственного тела,
слезинок, глазок, пальчиков, ногтей.
Он чувствует природу беспредела
природы, зачищающей людей.

Проходят годы. В полном камуфляже
приходит Август кончить старика,
но бывший мальчик не дрожит и даже
чему-то улыбается слегка.

ОТКАЗ ОТ ПРИГЛАШЕНИЯ

На склоне дней мне пишется трудней.
Всё реже звук, зато всё твёрже мера.
И не пристало мне на склоне дней
собою подпирать милицанера.

Не для того я побывал в аду,
над ремеслом спины не разгибая,
чтоб увидеть с собой в одном ряду
косноязычащего раздолбая.

Вы что, какой там к чёрту фестиваль!
Нас в русском языке от силы десять.
Какое дело нам, что станет шваль
кривлять язык и сглупу куралесить.

Примечание. Поминая милицанера, я имел в виду не покойного Д. А. Пригова, талантливого артиста в широком смысле этого слова, о единственной встрече с которым у меня осталось очень милое воспоминание, а тех, кто полагает, что инфантильное языковое кривлянье самодостаточно, например, А. Б., Ш. Р. и Т. П. Пятая и шестая строки — цитата из запомнившегося с детства четверостишия Александра Гитовича: «Не для того я побывал в аду, / Над ремеслом спины не разгибая, / Чтобы меня вела на поводу / Обозная гармошка красная». Поэт метил в любимцев партии и народа А. Твардовского, А. Прокофьева, за что ему крепко тогда досталось.

ПЕРЕМЕНА ПОГОДЫ

Дождь прекратился. Кончилась гроза.
Гром откатился на другое небо.
Кружат стрижи и голосуют за
режим свободы наподобье НЭПа.

Как нэпман благоденствует слизняк,
червонцами искрится солнце в слизи.
Вот сойка пропорхнула мимо, как
жидовка в голубой испано-сюизе.

СВОИМИ СЛОВАМИ (пересказ)

Ф. П., владелец вислых щёчек, поставил сына, блин, на счётчик! Вся эта хрень произошла там из-за бабы, не бабла. А С. был полный отморозок, немало ругани и розог он сызмалетства получил. Сработал план дегенерата: он разом и подставил брата, и батю на фиг замочил. Всё, повторяю, из-за суки. Тут у другого брата глюки пошли, а младший брат штаны махнул на хиповый подрясник и в монастырь ушёл под праздник. Ну, вы даёте, братаны!

СОДЕРЖАНИЕ

Сказка № 1.....	7
Сказка № 2.....	8
Фуко.....	9
1911.....	10
Казань, июль 1957.....	11
Школа №1.....	12
Сон с примечаниями.....	13
«Подумаешь тоже, работа!».....	14
Экскурсия.....	15
Над греческой антологией.....	16
Иосиф в 1965 году.....	17
Считалка.....	18
Депрессия-Россия.....	19
В пустом зале.....	20
Рапорт.....	21
Новый Задека.....	22
Роза отвечает соловью.....	23
Квартира.....	24
Нина говорит о Тинторетто.....	25
Памяти Володи.....	26
Деньги.....	27
«Кбзлиц как не приравняешь к овнам...».....	28
Неоконченный Гоголь.....	29
Torvaianica.....	30
В клинике.....	31
С детства.....	32
Отказ от приглашения.....	33
Перемена погоды.....	34
Своими словами (<i>пересказ</i>).....	35

Предлагаем читателям следующие книги:

- В. Кальпиди.** Ресницы
- Б. Ахмадулина.** Зимняя замкнутость
- Л. Лосев.** Стихотворения из четырех книг
- А. Ерёмченко.** Горизонтальная страна
- Гильгамеш.** *Аккадское сказание*
- А. Цветков.** Дивно молвить
- Е. Шварц.** Сочинения в 4 томах
- С. Гандлевский.** Найти охотника
- Б. Рыжий.** Стихи
- В. Соснора.** Всадники
- В. Павлова.** По обе стороны поцелуя
- М. Дидусенко.** Полоса отчуждения
- Н. Уперс.** Апокрифы Феогнида
- А. Березин.** Пики-козыри
- В. Гандельсман.** Портретная галерея

Все книги тиражом до 1000 экземпляров.

Информация по телефону: (812) 273-37-24
факс: (812) 273-52-56

В поэтической серии «Автограф» изданы:

- Б. Ахмадулина.** Ларец и ключ
- С. Кекова.** Короткие письма
- В. Салимон.** Невеселое солнце
- И. Лиснянская.** После всего
- Ю. Кублановский.** Памяти Петрограда
- И. Бродский.** В окрестностях Атлантиды
- Н. Кононов.** Лепет
- А. Пурин.** Евразия и другие стихотворения
- Е. Шварц.** Песня птицы на дне морском
- С. Гандлевский.** Праздник
- В. Гандельсман.** Там на Неве дом...
- В. Дроздов.** Стихотворения
- Л. Лосев.** Новые сведения о Карле и Кларе
- А. Цветков.** Стихотворения
- Д. Новиков.** Караоке
- И. Жданов.** Фоторобот запретного мира
- Т. Кибиров.** Парафразис
- Е. Шварц.** Западно-восточный ветер
- Б. Ахмадулина.** Созерцание стеклянного шарика
- В. Салимон.** Красная Москва
- В. Зельченко.** Войско
- Б. Кенжеев.** Сочинитель звёзд
- А. Битов.** В четверг после дождя
- Л. Лосев.** Послесловие
- И. Лиснянская.** Ветер покоя
- В. Гандельсман.** Долгота дня
- Е. Шварц.** Соло на раскалённой трубе
- Т. Кибиров.** Интимная лирика
- В. Павлова.** Второй язык
- В. Кривулин.** Купание в иордани
- М. Ерёмин.** Стихотворения
- Б. Ахмадулина.** Возле ёлки
- Д. Новиков.** Самопал
- Т. Кибиров.** Нотации
- В. Соснора.** Куда пошёл? И где окно?
- С. Гандлевский.** Конспект
- Б. Рыжий.** И всё такое...

П. Барскова. Эвридей и Орфика
И. Лиснянская. Музыка и берег
Л. Лосев. Sisyphus redux
В. Дроздов. Обратная перспектива
Т. Кибиров. Amour, exil...
В. Соснора. Флейта и прозаизмы
В. Гандельсман. Тихое пальто
В. Павлова. Линия отрыва
В. Коваль. Участок с Полифемом
Е. Шварц. Дикопись последнего времени
Б. Ахмадулина. Пуговица в китайской чашке
А. Поляков. Орфографический минимум
Б. Рыжий. На холодном ветру
В. Соснора. Двери закрываются
С. Кекова. На семи холмах
П. Барскова. Арии
М. Степанова. Тут — свет
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 2
С. Стратановский. Рядом с Чечнёй
А. Кушнер. Кустарник
Е. Тиновская. Красавица и птица
Т. Кибиров. Шалтай-болтай
В. Гандельсман. Новые рифмы
О. Чухонцев. Фифиа
Л. Лосев. Как я сказал
Е. Шварц. Трость скорописца
Д. Шереметьев. Улика
В. Гандельсман. Школьный вальс
С. Стратановский. На реке непрозрачной
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 3
А. Цветков. Шекспир отдыхает
В. Волченко. Без охраны
Д. Воденников. Черновик
Е. Шварц. Вино седьмого года
Л. Элтанг. о чём пировать
С. Гандлевский. Некоторые стихотворения
В. Гандельсман. Исчезновение
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 4
О. Седакова. Всё, и сразу
Л. Лосев. Говорящий попугай

Л 79

Лосев Л.

Говорящий попугай. Седьмая книга стихотворений. —
СПб.: «Пушкинский фонд», 2009. — 40 с.

ISBN 978-5-89803-198-5

ББК 84. Р7

Лосев Лев Владимирович

Говорящий попугай

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2009

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД